

Пѣтухъ

и

ЖЕРНОВКІ.

а тридевятъ земель, въ тридесятомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жили - были старикъ со старухой, бѣдные пребѣдные. Не стало у нихъ хлѣба, пошли они въ лѣсъ, набрали жолудей, принесли домой и стали ѣсть. И урони старуха одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ, — росъ-росъ, доросъ до полу. Примѣтила это старуха и говоритъ мужу: «Старикъ, надобно намъ полъ прорубить: пусть себѣ дубъ ростеть да растеть. Какъ вырастетъ, — не нужно будетъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ ихъ въ избѣ собирать» Старикъ прорубилъ полъ. Деревцо

Пользу старикъ по дубу

ростеть себѣ да ростеть—и выросло до потолка. Старикъ разобралъ потолокъ, а послѣ и крышу снялъ — все дереву мало мѣста. И выросъ изъ жолудя цѣлый дубъ, да такой высокій, что верхушки не видать.

Не стало у старика со старухой жолудей,—взялъ старикъ мѣшокъ и полѣзъ по дубу. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо. Видигъ,—стоитъ избушка, не по нашему выстроена: стѣны изъ пироговъ, печь изъ блиновъ, столъ изъ пшеничнаго хлѣба, лавки пряничныя. Обрадовался старикъ послѣ долгой голодовки, наѣлся до отвала, и легъ на печку.

Долго-ли, коротко-ли, пришли въ избу три козы, сестры родныя: одна коза съ однимъ глазомъ и однимъ ухомъ, другая коза съ двумя глазами и двумя ушами, третья коза съ тремя глазами и тремя ушами. Притаился старикъ на печкѣ, слушаетъ: что будетъ дальше. Стали козы приниматься и говорятъ между собой: «Не ладно, сестрицы,—русскимъ духомъ пахнетъ! Нѣтъ-ли чужого кого?» Пошарили по угламъ,—никого не нашли, а на печь-то заглянуть не догадались. Поѣли козы пироговъ да блиновъ и собрались уходить, а одноглазую козу дома оставляютъ: «Гляди въ оба, сестрица, чтобы кто къ намъ не зашелъ.»—«Ладно, идите; я постерегу.» Слышитъ старикъ этотъ разговоръ и думаетъ: «Какъ бы мнѣ эту козу-дозорщицу уговорить?» Какъ двѣ козы ушли, онъ и сталъ потихоньку напѣвать: «Спи глазокъ, закройся ушко! Спи глазокъ, закройся ушко!» Закрылся у козы глазокъ, закрылось ушко. Заснула коза, а старикъ съ печки слѣзъ и давай пироги да блины въ мѣшокъ накладывать. Не успѣлъ наложить, слышитъ,—кто-то идетъ. Онъ скорѣй опять на печь.

Вернулись двѣ козы, глядь, — а сестра-то крѣпкимъ сномъ спитъ. Насилу ее разбудили. «Что ты такъ заспалась?» — «И сама не знаю, съ чего это я. Ну да ничего, у насъ пока все благополучно.» — «А все русскимъ духомъ пахнетъ.» И порѣшили между собой козы: пусть двухглазая коза теперь сторожить. «Ладно, идите, я постерегу,»—говоритъ двухглазая коза. Какъ двѣ козы ушли, старикъ давай опять потихоньку напѣвать: «Спи глазокъ, спи другой, закройся ушко, закройся другое!» Заснула коза, а старикъ съ печи слѣзъ и сталъ пироги да блины въ

мѣшокъ накладывать. Почти ужъ до верху доложилъ, какъ вдругъ вернулись двѣ козы.

Разбудили двухглазую козу: «Что ты такъ заспалась?»—«И сама не знаю: такой сонъ напалъ! Ну да ничего, у насъ пока все благополучно.»—«А русскимъ духомъ все пахнетъ.» Вотъ третья коза и говоритъ: «Теперь вы идите, а я буду стеречь.» Только ушли двѣ козы, старикъ и думаетъ: «Ну, мнѣ домой пора,»—и давай напѣвать: «Спи глазокъ, спи другой, закройся ушко, закройся другое,»—а про третій-то глазокъ, про третье ушко и забылъ. Заснула коза на два глаза и два уха закрыла, старикъ слѣзъ съ печки, мѣшокъ на плечи взвалилъ и пошелъ было къ двери. Увидала коза, вскочила, закричала благимъ матомъ; прибѣжали на крикъ другія двѣ козы и стали старика допрашивать: «Откуда пришелъ, да зачѣмъ, да какъ смѣлъ сюда забраться?» Отвѣчаетъ имъ старикъ: «Влѣзъ я по дубу, увидаль ваше житье-бытье и захотѣлъ съѣстнымъ поживиться. Всего у васъ вволю, а мы со старухой и жолудямъ рады.» Потолковали козы между собой и говорятъ старику: «Мы твоей бѣдности поможемъ, только ты больше не смѣй сюда являться и дорогу забудь.» Подарили козы ему золотые жерновки и пѣтуха. Пѣтушокъ-Золотой-Гребешокъ былъ такой умникъ-разумникъ, что другого на всемъ бѣломъ свѣтѣ не найти, а жерновкамъ только прикажи, будутъ съѣстное молоть,—кашу-ли, щи-ли, пироги или блины,—пока не скажешь: «По козьему велѣнью, по моему прошенью—стойте жерновки!»

Спустился старикъ по дубу на землю и про все старухѣ рассказалъ. Старуха первымъ долгомъ стала пробовать жерновки: поставила ихъ и приказала молоть. Что ни повернутся жерновки,—все блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ. И зажили съ тѣхъ поръ старикъ со старухой припѣваючи.

Бѣхалъ разъ мимо какой-то баринъ и заѣхалъ къ старику со старухой. «Нѣтъ ли, — спрашиваетъ, —чегонибудь поѣсть?»—«Чего же тебѣ дать поѣсть, родимый?»—говоритъ старуха.—«Развѣ пирожковъ да блинковъ?» Взяла жерновки, намолоча а баринъ поѣлъ и говоритъ: «Не продашь-ли старуха, мнѣ эти жерновки?»—«Нѣтъ, —говоритъ старуха, —они не продажные.» Онъ взялъ, отнялъ у ней жерновки да и уѣхалъ, — только его и

видѣли. Стали старикъ со старухой горевать, а какъ быть, не знаютъ. «Постойте,—говоритъ Пѣтушокъ-Золотой-Гребешокъ,—я полечу, отберу наши жерновки.» Прилетѣлъ пѣтушокъ къ барскимъ хоромамъ, сѣлъ на подоконникъ и кричитъ: «Кукуреку! Баринъ, баринъ, отдай наши жерновки, золотые не простые!» Услыхалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «Эй, малый, поймай пѣтуха да брось въ воду!» Поймали пѣтуха, бросили въ прудъ, а онъ плаваетъ да приговариваетъ: «Носикъ, носикъ, пей воду! Ротикъ, ротикъ, пей воду!» — и выпилъ весь прудъ. Выпилъ, полетѣлъ къ барскимъ хоромамъ, сѣлъ на окно и опять кричитъ: «Кукуреку! Баринъ, баринъ, отдай наши жерновки, золотые не простые!» Баринъ велѣлъ повару бросить пѣтуха въ горячую печь. Поймали его, бросили въ печь, а онъ бѣгаетъ по печи да приговариваетъ: «Носикъ, носикъ, лей воду! Ротикъ, ротикъ, лей воду!» — и залилъ весь огонь въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ барскую горницу и опять кричитъ: «Кукуреку! Баринъ, баринъ, отдай наши жерновки золотые не простые!» Бросились гости и самъ баринъ ловить пѣтушка, а онъ улучилъ время, схватилъ жерновки и улетѣлъ съ ними къ старику со старухой.

Узнать богачъ изъ сосѣдняго села про чудесные жерновки пришелъ къ старику и проситъ: «Продай мнѣ жерновки, сдѣлай милость.» — «А что дашь?» — «Тысячу рублей.» Потолковали старикъ со старухой и по рукамъ съ покупателемъ ударили. Богачъ взялъ жерновки, принесъ домой и говоритъ женѣ: «Ступай въ поле убирать сѣно, а я обѣдъ приготавливаю.» Жена ушла, мужъ поставилъ жерновки на столъ и приказываетъ, чтобъ они мололи щи съ кашей. Начали жерновки молоть щи съ кашей. Мелютъ да мелютъ. Всѣ чашки, плошки, корчаги, корыта, кадки — все полнымъ-полно намолотили. Полились щи съ кашей на полъ, затопили избу. Насилу богачъ изъ избы въ окно выскочилъ: бѣжитъ, кричитъ, а за нимъ щи съ кашей по улицѣ текутъ. Выбѣжали люди изъ избъ, видятъ: щи все село того и гляди зальютъ, накинулись на богача: «Останови свои жерновки!» — А тотъ и самъ не знаетъ, какъ горю пособить. Бросился къ старику: «Сдѣлай милость, останови свои жерновки.» — «Э, братъ, они тебѣ, видно, не ко двору! Подавай ихъ мнѣ назадъ, да еще

тысячу рублей давай за то, что я въ вашу кашу полѣзу жерновки останавливать.» Что тутъ станешь дѣлать: отдалъ богачъ старику еще тысячу рублей. Пошелъ старикъ, добрался до окна избы, гдѣ жерновки ши съ кашей мололи, и закричалъ: «По козьему велѣнью, по моему прошенью,—стойте жерновки!» Жерновки остановились, старикъ влѣзъ въ избу и забралъ ихъ, а мужики послѣ того двѣ недѣли ши съ кашей ѣли — не съѣли, больше въ поля да въ огороды вывезли.

Заѣхалъ разъ къ старику купецъ, узналъ про чудесные жерновки и спрашиваетъ: «А могутъ они соль молоть?»—«Не пробоваль»,—говоритъ старикъ. Стали пробовать, — и соль мелется. «Продай жерновки»,—говоритъ старику купецъ.—«А что дашь?»—«Тысячу рублей.» — «Мало; двѣ давай.» Сторговались; купецъ увезъ жерновки, поставилъ къ себѣ на корабль, поѣхалъ въ море и сталъ молоть соль. Сыплется соль и день, и другой — весь корабль наполнила; купецъ и не радъ такому богатству, да дѣлать нечего—забылъ у старика спросить, какъ жерновки остановить. Отяжелѣлъ корабль отъ соли, да и затонулъ вмѣстѣ съ жерновками.

По сю пору стоятъ на днѣ морскомъ чудесные жерновки, по сю пору соль мелютъ: оттого, говорятъ люди, и солоня морская вода.

